

№ 140—

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ XII

1883

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2
1883

НАРОДНИКИ И РАСКОЛОВЪДЫ НА СЛУЖБѢ.

(НОТА ВЕНЕ КЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ П. С. Усова о П. И. Мельниковѣ).

В ВОСПОМИНАНІЯХЪ Павла Степановича Усова о покойномъ Павлѣ Ивановичѣ Мельниковѣ напечатанныхъ въ «Новомъ Времени» есть между прочимъ такой эпизодъ:

«Въ 1862 году, въ правительственныхъ сферахъ возникъ вопросъ о необходимости учрежденія для раскольниковъ особыхъ школъ отъ правительства. Въ августѣ того же года, я получилъ приглашеніе министра народнаго просвѣщенія, А. В. Головнина, пріѣхать къ нему. Сообщивъ мнѣ о проектѣ подобныхъ школъ, министръ просилъ меня указать на сотрудниковъ «Сѣверной Пчелы», помѣщавшихъ въ ней статьи по расколу, которые могли бы, по его порученію, отправиться въ центры раскольничьяго населенія для собранія свѣдѣній о положеніи у нихъ школьнаго дѣла. Я указалъ на П. И. Мельникова, какъ на знатока раскола, какъ на человѣка, который лучше другихъ могъ бы заняться этимъ дѣломъ.

— «Мельниковъ состоитъ, кажется, на службѣ? былъ вопросъ министра.

— «Чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ.

— «Слѣдовательно необходимо снестись съ его начальствомъ. Это для меня неудобно. Нѣтъ ли другихъ у васъ лицъ?»

«Тогда я назвалъ Н. С. Лѣскова, предупредивъ, что онъ въ знаніи раскола уступаетъ Мельникову. Но, повидимому, рекомендація Лѣскова понравилась министру; онъ записалъ его адресъ, и Н. С. Лѣсковъ отправился съ порученіемъ министра въ Ригу.

«Всѣ эти факты — мелочи, но мелочи иногда лучше освѣщаютъ житейскія событія. Проектъ о правительственныхъ школахъ для раскольниковъ не былъ приведенъ къ осуществленію, встрѣтивъ сильную оппозицію. Въ № 13-мъ «Московскихъ Вѣдомостей» 1864 года, появилась противъ этихъ школъ сильная статья, въ которой доказывалось, что «можно только терпѣть расколъ», что «въ этомъ долженъ заключаться весь либерализмъ правительства». Я указываю на

эту статью по той причинѣ, что она была перепечатана по желанію П. А. Валугева, въ «Сѣверной Почтѣ» (№ 17, 1864 года), слѣдовательно вполне согласовалась съ его мнѣніемъ по вопросу о раскольниковыхъ школахъ. П. И. Мельниковъ былъ приверженцемъ отмѣны всѣхъ ограниченій для раскольниковъ, а изъ этой статьи видно, что взглядъ П. А. Валугева былъ совершенно противоположный, и потому онъ не находилъ удобнымъ или полезнымъ для себя пользоваться знаніями своего чиновника особыхъ порученій въ дѣлахъ раскола».

Обстоятельство это передано г-мъ Усовымъ не полно и оттого является большой поводъ думать, какъ будто бывший министръ народнаго просвѣщенія, Александръ Васильевичъ Головинъ, послалъ для изслѣдованія извѣстнаго раскольниковскаго вопроса меня, а не покойнаго Мельникова, не только потому, что о Мельниковѣ ему нежелательно было сноситься съ графомъ Валугевымъ, но и потому еще, что «П. И. Мельниковъ былъ приверженцемъ отмѣны всѣхъ ограниченій для раскольниковъ», а я какъ будто представлялъ собою на этотъ счетъ нѣчто иное—менѣе расположенное къ терпимости и тѣмъ болѣе отвѣчающее взглядамъ А. В. Головнина.

На самомъ дѣлѣ все сказанное было не совсѣмъ такъ, и главнымъ образомъ, дѣло двигалось совсѣмъ не тѣми причинами, на которыя частью намекаетъ, а частью даже прямо указываетъ г. Усовъ. Вполнѣ вскрывать всѣ эти (какъ Павелъ Степановичъ называетъ) «мелочи» теперь разумѣется еще не настало время, но обстоятельства служебныхъ неудачъ Мельникова, о которыхъ упоминаетъ г. Усовъ, не только могутъ быть разъяснены, но даже непременно требуютъ разъясненія. Мнѣніе будто «приверженность къ отмѣнѣ всѣхъ ограниченій для раскольниковъ» была причиною, что Александръ Васильевичъ Головинъ лишилъ себя услугъ покойнаго Мельникова—весьма ошибочно. Покойный Мельниковъ зналъ дѣла раскола несравненно лучше меня—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, потому что я тогда только учился этой матеріи, и Павлу Степановичу Усову всеконечно близко извѣстно, что Мельниковъ весьма долго былъ моимъ руководителемъ въ изученіи раскольниковскаго и «отреченной» литературы и поправлялъ меня въ первыхъ моихъ попыткахъ по описанію бытовой стороны раскола. Взглядъ на расколъ я по убѣжденію принялъ мельниковскій, ибо взглядъ покойнаго Павла Ивановича, по моимъ понятіямъ, есть самый вѣрный и справедливый. «Расколъ не на политикѣ виситъ, а на вѣрѣ и привычкѣ» — таково было убѣжденіе покойнаго Мельникова—такъ и я убѣжденъ, сколько по литературѣ, столько же—если еще не болѣе по долговременнымъ личнымъ, искреннимъ и задушевымъ сношеніямъ со многими раскольниками. Съ тѣхъ поръ какъ я сталъ писать о расколѣ—сначала въ газетѣ г. Усова—не иначе какъ подъ руководствомъ Мельникова, — я нигдѣ и никогда не смотрѣлъ на расколъ какъ на явленіе свойства политическаго, и за то много-

кратно и многообразно былъ порицаемъ и осуждаемъ послѣдователями мнѣній А. Ф. Пр. Щапова, который сколько извѣстно желалъ видѣть въ расколѣ «политико-демократическій смыслъ», будто бы только прикрытый религіознымъ покрываломъ. Мельникову, а послѣ и мнѣ, поставляли въ вину что мы писали иначе, и на насъ было тогда ожесточенное гоненіе, которое долго было въ большой модѣ и къ этому ополченію охотно приставали многіе, собственно никогда раскола неизучавшіе. Гонительство это сдѣлалось одно время такъ сильно, что ему поддавали даже люди сторонніе, имѣвшіе смѣлость или неосторожность какъ нибудь сослаться въ своихъ работахъ на мои наблюденія и выводы. Такъ, между прочимъ, за это въ очень сильныхъ и смѣлыхъ выраженіяхъ былъ порицаемъ профессоръ петербургской духовной академіи Ив. Фед. Нильскій, который въ этомъ проступкѣ гдѣ-то и оправдывался, и доказывалъ, что и на меня порою можно сослаться. Словомъ, я несъ одинаковое съ Мельниковымъ отверженіе, но у меня было и свое разномысліе съ Павломъ Ивановичемъ: мнѣ не нравилось и не казалось справедливымъ его обыкновеніе относиться къ чувствамъ старовѣровъ слишкомъ по-чепурински, — какъ говорится — «съ кондачка». Приведите себѣ на память Потапа Максимовича Чепурина (въ Лѣсахъ и на Горахъ), который «какъ начнетъ про скитское житіе рассказывать, то такъ разговорится, что женскій полъ вонъ, да вонъ». Въ мельниковскомъ превосходномъ знаніи раскола была неприятная чиновничья насмѣшливость и когда эта черта рѣзко выступила въ рассказѣ «Гриша» — я возразилъ моему учителю въ статейкѣ, которая была напечатана, и Павелъ Ивановичъ за нее на меня разсердился. Все это при тогдашнемъ оживленіи въ литературѣ и въ жизни не проходило безъотзывно и безслѣдно, а потому я думаю, что бывшій министръ народнаго просвѣщенія, А. В. Головинъ, интересовавшійся въ то время вопросомъ о раскольничьихъ школахъ, зналъ, что я по части раскола представлялъ собою по преимуществу человекъ той самой школы, которую «политиканы» называли «мельниковскою», но которую, по справедливости, можно бы назвать историческою, научною. Слѣдовательно нѣтъ никакого основанія предполагать, что министръ А. В. Головинъ могъ ожидать отъ меня исполненія порученія въ иномъ духѣ какъ и отъ Мельникова. Я удостоивался многихъ обвиненій, начиная съ либеральнаго обвиненія въ «оклеветаніи молодежи» до консервативнаго привмѣненія мнѣ свойствъ самого коварнаго «потаеннаго нигилизма», но я никогда не давалъ никому никакихъ поводовъ считать меня врагомъ «приверженности къ отмѣнѣмъ ограниченій религіозныхъ». И я думаю, что А. В. Головинъ вовсе этого не желалъ, и, во всякомъ случаѣ, онъ отъ меня этого не требовалъ. Напротивъ, посылая меня, А. В. Головинъ не стѣснялъ меня ни какими указаніями и даже высказалъ, что ожидаетъ отъ меня

«только правды», а въ данномъ мнѣ письмѣ къ остзейскому генералъ-губернатору, барону Ливену, онъ просилъ предоставить мнѣ свободу дѣйствій, которою я и пользовался невозбранно и по отзыву генералъ-губернатора — не предосудительно. Работа же моя, — «Отчетъ о раскольникахъ города Риги, преимущественно въ отношеніи къ школамъ» составлена такъ, какъ я хотѣлъ ее написать, и въ томъ самомъ духѣ, въ какомъ мыслилъ Мельниковъ. Мнѣ давно очень досадно, что книга эта остается неизвѣстною русской литературѣ, но въ этомъ не моя вина. Книга эта, по распоряженію А. В. Головнина, была, въ 1862 году, отпечатана въ типографіи академіи наукъ, кажется, всего въ числѣ 80 экземпляровъ и куда она дѣлась, и гдѣ находится — мнѣ неизвѣстно. Я имѣю только одинъ ея экземпляръ, данный мнѣ А. В. Головнинымъ какъ автору; но въ литературѣ нѣмецкой она весьма извѣстна, такъ какъ вся она почти цѣликомъ переведена и напечатана въ весьма распространенной книгѣ бывшаго дерптскаго профессора Юліуса Экгарта «Bürgerthum und Bürgerschaft» (моя записка составляетъ цѣлую треть этой книги). Какимъ образомъ она туда попала — я тоже не знаю, но знаю, что и дерптскій профессоръ и германскіе рецензенты его книги, выведшіе на свѣтъ мою записку, находили причины указывать на ея «безпристрастіе». Короче, безъ жеманства скажу — ее хвалили за ея терпимость, и еще кое за что. Кажется все это должно бы представлять ручательство, что А. В. Головнинъ, по волѣ котораго та записка напечатана, не желалъ избѣгать и «приверженности къ отмѣнѣ ограниченій» и изъ-за этого не могъ имѣть побужденій отстранять Мельникова.

Причиною того, что въ Ригу былъ посланъ я, а не Мельниковъ, были два дѣйствительныя неудобства — одно меньшее, а другое большее. Павелъ Степановичъ Усовъ, при его превосходной памяти, все-таки немножко смѣшалъ, какъ шло это дѣло. Въ началѣ у господина министра не было плана посылать знающаго расколъ литератора въ Ригу, а была мысль иная: именно мысль выяснить, каковы вообще желанія великорусскихъ старовѣровъ по отношенію къ школамъ, о которыхъ они просили. Тутъ вниманіе г. министра и остановилось на Павлѣ Ивановичѣ Мельниковѣ, но поѣздка самаго свѣдущаго человѣка съ такою общеою цѣлію представлялась крайне щекотливою и едва ли полезною. Во-первыхъ, чтобы услышать задушевные желанія старовѣровъ — надо было скрывать свое посланничество и его цѣль; а это и тяжело, да и неудобно. У старовѣровъ есть своя тайная полиція, организованная во многомъ не хуже еврейской «пантофлевой почты». Во-вторыхъ же, мы недоумѣвали, что такое можно выяснять въ школьныхъ желаніяхъ людей, которые совсѣмъ не имѣютъ ни какихъ понятій о школахъ? Тутъ какъ разъ по пословицѣ, — можно было «проѣздить не по чѣмъ, и привести ни чего». Павелъ Ивановичъ это предвидѣлъ и гово-

рилъ, что ему «навѣрно не придется ѣхать». Главная причина, почему онъ такъ думалъ, заключалась въ томъ, что «чиновнику особыхъ порученій министра маскироваться неудобно, а съ своимъ официальнымъ положеніемъ онъ ничего душевнаго не узнаетъ». Притомъ Павелъ Ивановичъ самъ находилъ, что это посольство «не будетъ пріятно Петру Александровичу Валуеву», который, какъ явствуетъ изъ воспоминаній г. Усова, былъ сторонникомъ «ограниченія», тогда какъ Мельниковъ конечно хотѣлъ стоять за «отмѣну ограниченій»? Слѣдовательно, дѣйствуя по совѣсти и убѣжденіямъ, Мельниковъ непремѣнно долженъ былъ бы исполнить работу, поручаемую ему А. В. Головиннымъ, въ такомъ духѣ, котораго не одобрялъ его прямой начальникъ, графъ П. А. Валуевъ. Отсюда понятно, что самая простая деликатность могла удержать А. В. Головина отъ того, чтобы ставить нашего писателя въ такое щекотливое положеніе къ его служебному начальнику. Если же бы П. И. Мельниковъ исполнилъ порученіе А. В. Головина въ духѣ «ограниченій», которыя совсѣмъ не отвѣчали цѣлямъ этого министра просвѣщенія, то такая работа послужила бы не въ пользу дѣла, а во вредъ ему. И тогда зачѣмъ бы А. В. Головину нуженъ былъ такой исполнитель?.. Вотъ, я думаю, въ какомъ родѣ были очень простыя и ни мало П. И. Мельникову не обидныя соображенія, которыми г. министръ, однако, могъ весьма основательно руководиться. А потому сказанное А. В. Головиннымъ П. С. Усову слово, что «Мельникова командировать неудобно», я думаю, дѣйствительно значило то самое, что оно и выражаетъ. Ничего страннаго, необъяснимаго и невнимательнаго къ литературнымъ заслугамъ П. И. Мельникова тутъ нѣтъ. Кромѣ же того, были, какъ я говорю, и другія причины, о которыхъ упоминаетъ самъ П. С. Усовъ. О Мельниковѣ ходили неблагопріятные слухи по его прежней службѣ... Это составляло маленькую эпопею, напечатанную въ «Колоколѣ» А. И. Герцена. Я точно такъ же, какъ и П. С. Усовъ, увѣренъ, что все насазанное на Мельникова со стороны его безкорыстія по «наѣздамъ на расколъ», вѣроятно была сплетня, но тѣмъ не менѣе, въ самой раскольничьей средѣ противъ Павла Ивановича существовало сильное предубѣжденіе и ему не очень-то довѣряли, а всегда его побаивались — это правда. «Волкъ, говорили о немъ, такъ волчкомъ и глядитъ». А такое настроеніе старовѣровъ, конечно, не увеличивало удобства послыки къ нимъ Мельникова по такому дѣлу, для котораго нужно было стяжать полное довѣріе и вызвать самую искреннюю откровенность.

Дѣло на этомъ-было и остановилось, но тутъ подвернулось небольшое, но очень характерное событіе, которое стоитъ вспомнить и записать, какъ коррективъ къ интереснымъ воспоминаніямъ г. Усова.

Въ тѣ самые дни, когда вопросъ о посылкѣ меня или Мельникова колебался, петербургскіе старовѣры были непріятно поражены

одною близко ихъ касавшеюся литературною новинкою: Кожанчиковъ пустилъ въ продажу первый выпускъ сочиненія А. Щапова «Земство и расколъ» (Спб. 1862 г.). Авторъ книги и иные критики думали, что г. Щаповъ подноситъ этимъ сочиненіемъ самый милый даръ старовѣрью, но старовѣры, увидавъ, что ихъ предковъ хотятъ представить политическими неслухами и «умыслителями», смутились. Такое вышло «недоразумѣніе» — что кое мѣсто въ книгѣ автора всего болѣе радовало, то самое старовѣровъ наиглубже огорчало. Кто любитъ плакать или смѣяться тотъ нашелъ бы въ этомъ «недоразуміи» причины для одного и для другого. На 33-й страницѣ было напр. мѣсто такое: «въ Поморской области возникло демократическое ученіе не молиться за московскаго государя» — старовѣры обидѣлись этой «неправдой», и заговорили: «какіе мы дымократы? что это еще за глупость! мы въ его благовѣрїи сомнѣваемся, но за его благочестивое житіе молимся». Часто тогда меня звали потолковать, — и вотъ разъ вечеромъ ко мнѣ прїѣхали два петербургскіе старовѣра Пикіевъ и Мартыановъ (одинъ еедосѣвецъ, а другой поморецъ) и просили тотчасъ же ѣхать съ ними въ Толмазовъ переулочекъ, гдѣ въ трактирѣ «Фениксъ» собралась «сходка разныхъ сословій» и желаютъ меня видѣть. Я нашелъ около сорока чловѣкъ старовѣровъ, частію мнѣ знакомыхъ, но болѣе незнакомыхъ и между ними послѣдними одного купца изъ Москвы, который былъ въ Петербургѣ проѣздомъ изъ Риги и здѣсь много и пространно рассказывалъ о видѣнныхъ имъ въ Ригѣ русскихъ старовѣрахъ «изряднаго обученія», а обученіе то, по его словамъ, «преподается въ Ригѣ, въ хорошо, по древнему образцу, устроенныхъ секретныхъ школахъ». Всѣмъ питерскимъ это очень нравилось, и всѣ здѣсь присутствующіе жарко выражали одно желаніе, чтобы «министерство тотъ древній уставъ школы просмотрѣло», и послѣ повсемѣстно дозволило бы «такія самыя школы, въ какихъ потаенно отъ власти подѣучаются рижскіе старовѣры». И тутъ-то самими старовѣрами было высказано желаніе, чтобы г. министръ просвѣщенія «оповѣстился о тѣхъ потаенныхъ школахъ» черезъ меня. «Тебѣ, говорили, мы дадимъ вѣрныя письма къ такимъ людямъ, которые тебѣ все покажутъ и ты принеси министру правду; а другаго, кого мы не знаемъ, того не хотимъ, и тотъ ничего не увидитъ». Тутъ совершенно въ иномъ видѣ выяснилась ясная цѣль, для которой стоило послать свѣдущаго чловѣка, именно въ Ригу, да указанъ былъ и самый чловѣкъ, которому сами старовѣры готовы были помогать, не принуждая его ни маскироваться, ни притворствоваться, — чловѣкъ этотъ и былъ я. И вотъ, тогда лишь А. В. Головинъ и командировалъ меня въ Ригу, ибо я лично представлялъ въ себѣ для этой командировки такія удобства, которыхъ другіе не представляли. Вотъ почему и вотъ какъ образовалось это предпочтеніе меня передъ Мельниковымъ, безъ малѣйшаго же-

ланія г. министра унижать превосходныя знанія Павла Ивановича. Вышло это просто потому, что если я нѣсколько отвѣчалъ цѣлямъ министра, то еще болѣе отвѣчалъ желаніямъ тѣхъ людей, для пользы которыхъ все это предпринималось. Пренебречь этимъ г. министръ, очевидно, не видѣлъ никакой надобности, да сколько я могу судить — сдѣлать людямъ непріятное, когда можно сдѣлать пріятное — не было въ духѣ этого министра. Такъ я и поѣхалъ съ письмами отъ А. В. Головнина къ генераль-губернатору Ливену; отъ сенатора М. Н. Турунова къ жандармскому полковнику (нынѣ генералу) Андреянову, и отъ старовѣровъ съ четырьмя письмами къ Никону Прок. Волкову, Захару Лаз. Бѣляеву, Іонѣ Оедот. Тузову и Петру Андр. Пименову. Самое вѣское изъ сихъ рекомендательныхъ писемъ было отъ неизвѣстнаго мнѣ рекоменда-теля и писано оно было на лоскутѣ синей толстой бумаги, вырванной изъ переплетенной счетной тетради, а заключалось въ слѣдующей несложной редакціи: «Сему вѣрь» — а вмѣсто подписи «слово—титло» (Богъ знаетъ, что оно означало).

Порученіе министра А. В. Головнина было исполнено мною не причинивъ его высокопревосходительству никакихъ досажденій, а брошюра «Съ людьми древляго благочестія», которую я написалъ послѣ этой поѣздки, вдругъ была вся раскуплена и давно уже составляетъ библиографическую рѣдкость. Изъ этой брошюры, составляющей обрѣзки того, что значитъ въ отчетной запискѣ, напечатанной въ типографіи академіи наукъ, можно видѣть, что я относился къ дѣлу съ тою же цѣлію показать излишность «ограниченій», какъ постоянно мыслилъ и П. И. Мельниковъ. Но какъ записка эта, писанная 20 лѣтъ назадъ, до сихъ поръ еще не утратила своего интереса, а между тѣмъ правительственныя лица, которыхъ она касалась (главнымъ образомъ князь Суворовъ), уже сошли въ могилу и составляютъ сюжетъ исторіи, то я не вижу причинъ оставлять ее далѣе въ безвѣстности для общества и попытаюсь напечатать эту мою работу въ одномъ изъ русскихъ историческихъ изданій.

П. С. Усовъ передаетъ тоже какъ особый знакъ неблаговоленія къ Мельникову, то, что «П. А. Валуевъ, съ самаго вступленія своего въ должность министра внутреннихъ дѣлъ, удалилъ Мельникова отъ раскольничьихъ дѣлъ и отъ себя». А какъ мнѣ извѣстно, и тутъ не Мельниковъ лично не годился, а въ эту пору вообще разборъ и разработка раскольничьихъ дѣлъ, въ настоящемъ научномъ направленіи, стали нежелательны или, точнѣе сказать, несовмѣстны съ цѣлями нѣкоторыхъ изъ правителей. П. С. Усову должно бы быть извѣстно, что прежде отстраненія Мельникова предполагалось учредить цѣлое «сотрудничество», которое бы дружно взялось и сразу покончило съ разборомъ и приведеніемъ въ извѣст-

ность всѣхъ раскольничьихъ дѣлъ архива министерства внутреннихъ дѣлъ. Мысль эта едва ли не исходила отъ М. Н. Турунова, или покрайней мѣрѣ имъ поддерживалась, и тогда въ числѣ лицъ, сюда предназначавшихся, снова были Мельниковъ и я. Объ этомъ со мною, по порученію П. А. Валугева, велъ переговоры графъ Капнистъ, которому я въ чистосердечномъ разговорѣ высказалъ мой взглядъ на расколъ, и тѣ мои убѣжденія, съ которыми я могу приступить къ этой любопытной, важной и до сихъ поръ ни кѣмъ надлежащимъ образомъ не исполненной работѣ. Но вѣроятно и мои взгляды, безъ сомнѣнія, точно переданныя графомъ Капнистомъ г. министру, показали почему либо одинаково несомѣстимы, и съ этой поры рѣчь о привлеченіи меня къ занятіямъ дѣлами раскола уже никогда болѣе не возобновлялась. А вмѣсто допущенія къ симъ заповѣднымъ дѣламъ П. И. Мельникова со мною, или меня одного, доступъ къ нимъ былъ открытъ покойному Федору Васильевичу Ливанову, который раскола хотя не зналъ, но имѣлъ характеръ и взглядъ болѣе совмѣстные. Дѣлъ раскольничьихъ Ѳ. В. Ливановъ не привелъ въ ту ясность, какой предполагалось достигъ обстоятельнымъ ихъ разборомъ, но плодомъ его знакомства съ министерскими архивами за то вышло злохудожное сочиненіе «Раскольники и острожники». Въ этой скандальной и шельмовальной книгѣ были глубоко оскорблены и обезславлены многіе изъ достоуважаемыхъ людей въ московскомъ купечествѣ, начиная съ Морозовыхъ и Кузумы Терентьевича Солдатенкова, а появленію этого сочиненія предшествовали еще болѣе скандальныя исторіи вымогательства и шантажи, вскрывать которыя еще не наступило время.

Личныя свойства Ѳ. В. Ливанова, который оказался всѣхъ насъ «совмѣстимѣе» достаточно извѣстны и въ Москвѣ и въ Петербургѣ, и среди старовѣровъ и среди монашествующей братіи, представители которой тоже тяжело испытывали неудобства всякаго личнаго съ этимъ человѣкомъ соотношенія. Небезызвѣстенъ г. Ливановъ и семьѣ литературной, которая впрочемъ никогда не считала его своимъ и всегда бѣжала всякаго съ нимъ общенія. Кто рекомендовалъ Ливанова министру внутреннихъ дѣлъ, какъ знатока раскольничьей литературы и раскольничьяго быта—я не знаю, но это очень любопытно, и конечно когда нибудь выяснится. Но я знаю, что книги Ливанова, рассмотрѣнныя въ ученомъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія при графѣ Дмитріѣ Андреевичѣ Толстомъ, были «отклонены», и что той же самой участи они подпали въ учебномъ комитетѣ Святѣйшаго Синода, председатель котораго, покойный протоіерей Іосифъ Васильевичъ Васильевъ, бралъ у меня для соображеній мой обширный черновой докладъ о сочиненіяхъ Ливанова.

Такимъ образомъ, вотъ кто собственно былъ настоящимъ за-

мѣстителемъ Павла Ивановича Мельникова въ занятіяхъ дѣлами раскола научно-историческимъ путемъ. Это былъ Ѳ. В. Ливановъ, который въ одной изъ своихъ книжекъ «Золотая грамота» обнаружилъ такое многовѣдніе, что даже не зналъ, какъ надо перекреститься и указывалъ налагать на себя не крестъ, а треугольникъ (да, это буквально такъ!).

Что же касается затрудненій П. И. Мельникова въ издательствѣ книги, написанной по порученію министра, то и это едва ли можно приписывать личному неблаговоленію П. А. Валуева къ Мельникову. Совершенно такія самыя исторіи случались далеко не съ однимъ Мельниковымъ. Подобная вещь была, какъ мнѣ извѣстно, съ покойнымъ Алексѣемъ Ѳ. Писемскимъ и другими, а наконецъ, и лично со мною: въ моемъ столѣ до сей минуты лежитъ пропущенная духовнымъ цензоромъ рукопись съ страшною спѣшностію составленная мною по настоящему и спѣшному требованію трехъ министровъ. Это приспособленный къ русскимъ простонароднымъ понятіямъ переводъ или пересказъ извѣстнаго сочиненія Боссюэта, пользовавшагося особымъ расположеніемъ императора Александра I. Работа эта, заключающая въ себѣ отъ 6 до 7 печатныхъ листовъ, четыре года тому назадъ была сдѣлана мною въ двѣ недѣли къ празднику Пасхи, процензурована архимандритомъ Арсеіемъ страстными днями и... осталась лежать у меня какъ вещь повидимому ни кому и ни на что ненужная. Приказана, сдѣлана и брошена... Почему же это такъ? А весьма просто! Причиной этого было предложеніе литературныхъ услугъ со стороны нѣкогого В. В. Кардо-Сысоева, который явился добровольцемъ и подалъ сочиненія отличавшіяся большею рѣшительностію. Онѣ были патронируемы однимъ учрежденіемъ, а министерствомъ народнаго просвѣщенія «отклонены» за ихъ крайнее несоотвѣтствіе приличіямъ и нравственности. Это и повело впоследствии къ тому, что упомянутыя сочиненія г. Кардо-Сысоева перестали пользоваться особыми содѣйствіями къ ихъ распространенію черезъ акцизныхъ надзирателей по питейной части, но деньги на изданіе ихъ онъ получилъ.... Таковъ вообще невѣрный удѣлъ заказныхъ литературныхъ работъ, мнѣніе о совмѣстимости которыхъ часто измѣняется прежде, чѣмъ самая трудолюбивая рука въ состояніи ихъ исполнить, и Мельниковъ въ этомъ случаѣ не былъ исключеніемъ. А можно развѣ сказать то, что положеніе чиновниковъ изъ литераторовъ вообще часто бываетъ исключительнымъ и сугубо тяжкимъ среди чиновниковъ къ литературѣ не причастныхъ. Но это совершенно другой вопросъ, и въ немъ покойный Павелъ Ивановичъ тоже опять испыталъ далеко не самое обидное положеніе.

Николай Лѣсковъ.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Еще о расколовѣдахъ.

Н. С. Лѣсковъ, въ своей замѣткѣ «Народники и расколовѣды на службѣ» (см. майскую книжку «Историческаго Вѣстника»), приписалъ мнѣ то, чего я вовсе не говорилъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ о П. И. Мельниковѣ», да, признаться, о чемъ и не помышлялъ. Я не говорилъ нигдѣ, чтобы Н. С. Лѣсковъ былъ иного образа мнѣній о расколѣ, чѣмъ П. И. Мельниковъ. Также моя замѣтка, что «П. И. Мельниковъ былъ приверженцемъ отмѣны всѣхъ ограниченій для раскольниковъ», была сопоставлена въ отношеніи къ П. А. Валуеву, по поводу статьи въ № 17 «Сѣверной Почты» 1864 года, но не къ А. В. Головинину, какъ угодно говорить Н. С. Лѣскову. О взглядѣ А. В. Головинина на расколъ мнѣ ничего неизвѣстно, потому что съ нимъ о томъ у меня рѣчи не было. И къ чему было ему приглашать меня и просить указать ему на лицѣ, если имъ уже былъ рѣшенъ выборъ? При названіи же мною Н. С. Лѣскова, я долженъ былъ ознакомить министра нѣсколькими словами съ Н. С. Лѣсковымъ.

Я вовсе не смѣшалъ дѣла о посылкѣ Н. С. Лѣскова въ Ригу, потому что въ своихъ «Воспоминаніяхъ» не говорилъ ни о предшествовавшихъ этой командировкѣ соображеніяхъ по школьному дѣлу, ни объ исполненіи этого порученія Н. С. Лѣсковымъ. Чего я не знаю, о томъ не говорю и предположеній не дѣлаю. Я ограничился передачею моего разговора съ А. В. Головиннымъ и передалъ его почти стенографически, какъ у меня онъ записалъ. Моя память можетъ быть превосходна, по любезному замѣчанію Н. С. Лѣскова, но я избѣгалъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» вообще основываться на одной памяти, и повѣрялъ факты или по документамъ, у меня имѣющимся, или по документамъ, открытымъ мнѣ другими лицами. Поэтому я утверждаю, что переданный мною разговоръ съ А. В. Головиннымъ о П. И. Мельниковѣ и Н. С. Лѣсковѣ совершенно вѣренъ и не нуждается въ «коррективахъ». Эпизодъ, давшій Н. С. Лѣскову поводъ написать свою замѣтку, былъ приведенъ мною, какъ одно изъ доказательствъ систематическаго устраненія знатока раскола, П. И. Мельникова, отъ этого дѣла, по тому или другому соображенію, и въ этомъ отношеніи это доказательство—фактъ.

Что касается «до учрежденія цѣлаго сотрудничества» относительно приведенія въ ясность раскола, то дѣйствительно оно мнѣ извѣстно, но имѣющіяся у меня «фактическія данныя» не совпадаютъ со словами Н. С. Лѣскова. Но объ этомъ нѣтъ мѣста въ моемъ краткомъ возраженіи.

Пав. Усовъ.

